

Н. К. Гудзий

О национальном приурочении древнерусских церковных поучений

Церковно-религиозные поучения на первых порах развития у нас книжной литературы в количественном отношении занимали очень большое место. Приобщившись к христианству, древняя Русь далеко не сразу ликвидировала веками существовавшее в ней язычество и укоренившиеся, особенно среди широкой массы, религиозно-моральные устои мировоззрения и бытовые нормы поведения, находившиеся в противоречии с новым религиозным укладом. Такие нарушения основных предписаний христианской церкви наблюдались сплошь и рядом не только у рядовых мирян, но и в верхних слоях русского общества и среди духовенства, притом не только белого, но и черного.

Огромное большинство проповеднической литературы древней Руси, начиная от поучения новгородского епископа Луки Жидяты и продолжая изучениями неизвестных авторов, в общедоступной форме излагало основные положения христианского вероучения и христианской нравственности и обличало отступления от этих положений: приверженность к языческому пережиткам и языческим суевериям, нерадивость по отношению к церковной службе; неумеренное пьянство, лихоимство. В сфере житейской наибольшей добродетелью считались любовь к ближнему и попечение об убогих, странниках, гонимых и преследуемых людях. Немалое число таких поучений отведено было прославлению важнейших христианских праздников и особенно чтимых святых.

Точно определить, что в потоке этих элементарных и довольно однообразных поучений принадлежало русским авторам и что занесено было на Русь из Византии, в частности при посредстве русских иерархов греческого происхождения, или из Болгарии, — очень затруднительно. В огромном большинстве случаев мы не находим в них признаков, свидетельствующих об их связи специально с русской действительностью, а если такие признаки и могут быть обнаружены, их можно рассматривать как отдельные вставки, сделанные на русской почве (это касается преимущественно упоминаний о древнерусских языческих божествах). Порой произведения, приписывавшиеся древнерусским авторам, при дальнейших разысканиях оказывались переведенными с греческих оригиналов или принадлежащими болгарским писателям.

А. В. Горский, открывший девять «Слов на святую Четырдесятницу», обозначенных именами Иоанна Златоуста и лучших в основу популярного на Руси сборника «Златоуст» и опубликовавший два из

этих «Слов», утверждал, что все они не греческого, а русского или вообще славянского происхождения. Возникновение их он относил к самой ранней поре приобщения славян к христианству¹. Еп. Филарет (Гумилевский), вслед за Горским, также полагая, что «Слова на Четырдесятницу» относятся к древнейшему времени и адресованы к новообразованным христианам, приурочивал их к несколько более позднему времени — к XI веку, по-видимому, считая их сочинением неизвестного русского автора².

Никак не аргументируя своей догадки, И. Е. Забелин уже прямо говорит о принадлежности «Слов на Четырдесятницу» русскому автору. «По многим признакам,— пишет он,— этот сборник составлен русским проповедником, если не при самом водворении Христовой веры, то, по крайней мере, при Ярославе, быть может, даже при участии митрополита Илариона»³. К русским сочинениям «Слова на Четырдесятницу» отнесил и Е. В. Голубинский, считая их отчасти самостоятельными, отчасти составленными на основе сочинений отцов церкви⁴.

Участник описания рукописей Соловецкого монастыря — И. Е. Порфирьев усомнился в принадлежности «Слов на Четырдесятницу» русскому проповеднику. «Кажется, не будет очень смелым предположение,— писал он,— что поучения эти болгарского происхождения. Проповедническое дело в Болгарии после принятия христианства развивлось сразу же гораздо шире, чем в первые времена христианства в России. Кроме того, там с самого же начала явилось стремление придать этому делу именно правильное, систематическое развитие, а такого стремления у русских проповедников мы не встретим до XVII в.»⁵. Порфирьев склонен был сближать эти «Слова» с проповедями Климента Словенского и Константина Болгарского. Издатель всех девяти «Слов на Четырдесятницу» Е. В. Петухов вопрос о происхождении их оставлял открытым «за отсутствием положительных данных того или другого рода», одновременно относя их «к очень раннему периоду христианского просвещения у славян». Как и большинство предшествовавших авторов, Петухов склонялся к тому, чтобы все девять «Слов на Четырдесятницу» приписывать одному автору⁶.

Существенные коррективы по вопросу о происхождении этих «Слов» сделаны были В. П. Виноградовым⁷. Прежде всего им установлено, что «Слова» второе и девятое (в неделю о блудном сыне и в неделю 5-ю великого поста) являются сочинениями не оригинальными, а переводными с греческого, восходящими к «Благовестнику» или Толковому Евангелию епископа Феофилакта Болгарского, писателя второй половины XI—начала XII в., и, следовательно, не могли появиться на славян-

¹ См. «Прибавления к творениям святых отцов», т. XVII, 1858, стр. 49—64.

² Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы, изд. 3-е, Спб., 1884, стр. 25—26.

³ И. Е. Забелин. История русской жизни, т. II, изд. 2-е, М., 1912, стр. 449.

⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 1-я полов., изд. 2-е, М., 1901, стр. 824.

⁵ См. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в Библиотеке Казанской духовной академии, ч. I, Казань, 1881, стр. 634.

⁶ См. Е. Петухов. Древние поучения на воскресные дни великого поста, Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XI, № 3, Спб., 1886, стр. I—XIX, 1—44; Его же. Поучения на Четырдесятницу, Памятники древней церковно-учительной литературы, под ред. А. И. Пономарева, вып. 3-й, Спб., 1897, стр. 150—192.

⁷ См. В. П. Виноградов. К вопросу о литературных источниках, составе и происхождении древнеславянской группы поучений на Четырдесятницу (из истории сборника «Уставных чтений»), «Библиографическая летопись», вып. I, Спб., 1914, стр. 83—109. То же в книге В. П. Виноградова «Уставные чтения», вып. 3, Сергиев Посад, 1915, стр. 179—191.

ской почве ранее этого времени. «Слово» первое (в неделю о мытаре и фарисее) по форме и по стилю сходно со «Словами» вторым и девятым, но написано независимо от «Благовестника» Феофилакта Болгарского и, как полагает Виноградов, если и тем же лицом, которым составлены второе и девятое «Слова», то не одновременно с ними, очевидно, еще до знакомства с «Благовестником» Феофилакта. Остальные шесть «Слов» значительно отличаются по своему характеру от трех вышеуказанных; они предназначались, очевидно, для «новопросвещенных» христиан. По догадке В. П. Виноградова, они написаны в начальный период приобщения народа к христианству, возникли в Болгарии, следовательно, в IX—X вв. Таким образом, «Слова на Четыредесятницу», принадлежащие по крайней мере двум авторам, жившим в разное время, не заключают в себе признаков, по которым их можно было бы отнести к памятникам русской литературы.

Итак, история вопроса о происхождении «Слов на Четыредесятницу» наглядно иллюстрирует всю зыбкость приурочения иных памятников, обращавшихся в древней Руси, к авторитету русских писателей.

Отдел древней литературы Института литературы АН УССР
